

**Миколаївська гімназія №41
Миколаївської міської ради**

Проект з усної історії
**«ПОВСЯКДЕННЕ ЖИТТЯ В
СРСР У ПЕРІОД 1980-1991 РОКІВ»**

РАДЯНСЬКА АРМІЯ: ВІД РОЗКВІТУ ДО РОЗПАДУ

Організатор конкурсу:

«Асоціація з міжнародних питань» (АМО), Чеська Республіка

Керівник проекту:

Козлова Людмила Василівна,
вчитель історії Миколаївської гімназії № 41,
тел. 067-947-60-23
luda_kz@ukr.net

Виконавець:

учень 10-А класу
Миколаївської гімназії №41
Хворостянюк Ілля

**м. Миколаїв
2018 р.**

ОПИС ПРОЕКТУ

Мета проекту:

- сформувати в учнів уявлення про повсякденне життя в СРСР у період 1980-1991 років, сутність, характер та закономірності процесів, що відбувалися у радянській армії;
- з'ясувати вплив на життя людей ідеологічного тиску з боку радянської держави;
- навчити учнів діалогу поколінь, розумінню різниці між колективною та індивідуальною пам'яттю;
- розвивати критичне мислення, формувати громадянську позицію та поглиблювати комунікативні навички;
- за допомогою методу «Oral History» розвивати практичні вміння учнів збирати, обробляти та систематизувати історичну інформацію шляхом інтерв'ювання з подальшим транскрибуванням аудіозапису;
- шляхом залучення до науково-дослідницької роботи мотивувати школярів вивчати новітню історію.

ЕТАПИ РЕАЛІЗАЦІЇ ПРОЕКТУ

I. Організаційний (03-30.09. 2018):

- ознайомлення з умовами конкурсу;
- опрацювання методичних рекомендацій щодо використання методу усної історії, методичного посібника «Жива історія - метод усної історії у школі».

II. Підготовчий (10.10 – 26.10.2018):

- ознайомлення з особливостями історичного розвитку СРСР у 80-х рр.;
- вибір тематики запитань;
- створення опитувальника;
- знайомство з респондентом.

III. Реалізація проекту:

- інтерв'ю з Козловим Г.В. (02.11.2018).

IV. Аналітично-підсумковий (03.11 – 10.11.2018):

- транскрипція інтерв'ю;
- обговорення та аналіз труднощів, що виникли в ході реалізації проекту;
- оформлення проекту.

КОМЕНТАР

Сенс історії творимо ми самі, закладаємо в нього наше сучасне сприйняття світу, а не контексти окремої епохи.

Саме на уроках історії в учнів формується почуття ідентичності та відповідальності стосовно минулого і одночасно розвивається критичне мислення до офіційної пам'яті та імунітет щодо маніпуляцій.

Історія армії «радянської імперії» викликає не абиякий інтерес з огляду на події 2014 року, коли українці ще раз переконалися у ролі армії у збереженні державного суверенітету. Наявність інструментарію усної історії дозволила переконатися, що особиста історія інколи не співпадає з офіційною ідеологією. Спочатку нас цікавили політичні події, основні віхи історії СРСР вказаного періоду.

Готовлячись до інтерв'ю, респондент за власною ініціативою склав план розповіді та побудував спогади у хронологічному порядку. Іноді, захопившись власними спогадами, він відходив від теми. Тому ми були вимушені скорегувати попередньо складений опитувальник. Респондент розповідав багато та з захватом, занурюючи нас у атмосферу армійського життя тих років. Для респондента було важливо проаналізувати минуле та відповісти самому собі на деякі складні питання. Для нас як для дослідників не було нічого важливішого, як дізнатися про цінності та зміст життя сучасника подій останнього десятиліття історії тоталітарної держави.

ІНТЕРВ'Ю З: Козловим Геннадієм В'ячеславовичем

АДРЕСА: Україна, м. Миколаїв, просп. Миру, 46, кв. 80

ПРОЕКТ/ ЛОКАЛЬНИЙ ПРОЕКТ: Усна історія /«Важливі феномени періоду: служба в армії».

ІНТЕРВ'ЮЕР: Хворостянюк Ілля

ТРАНСКРИПЦІЯ: Хворостянюк Ілля, Козлова Людмила

ВИД ІНТЕРВ'Ю: аудіоінтерв'ю з диктофоном; хронометраж запису – 02.22.21

МІСЦЕ ПРОВЕДЕННЯ: м. Миколаїв, гімназія №41, кабінет історії.

ДАТА ПРОВЕДЕННЯ ІНТЕРВ'Ю: 02 листопада 2018 р.

ПРИСУТНІ: Козлов Геннадій В'ячеславович (респондент), Хворостянюк Ілля (інтерв'юер), учень 10-А класу, Козлова Людмила Василівна, учитель історії Миколаївської гімназії № 41

АНКЕТА РЕСПОНДЕНТА

Дата народження та вік: 17 червня 1965 р., 53 роки.

Освіта: вища спеціальна, інженер-механік; вища юридична.

Працевлаштування: пенсіонер МВС, працює в МКП «Миколаївводоканал», відділ безпеки, спеціаліст.

Місце проживання: Україна, м. Миколаїв, просп. Миру, 46, кв. 80.

Життя: Народився та провів дитинство у Миколаєві, вчився у середній школі №10. Мати – економіст на заводі мастильного обладнання, батько – інженер-будівельник, головний інженер проекту Миколаївської філії «Укржитлоремпроект».

У 1982-87 рр. навчався в Ульяновському вищому військово-технічному училищі ім. Б.Хмельницького (м. Ульяновськ, Росія), у 1997-2002 рр. – у Луганській академії внутрішніх справ (філія у м. Миколаєві, Україна).

У 1987-92 рр. служив у Радянській армії (м. Чарджоу, Туркменія – начальник служби паливно-мастильних матеріалів (ПММ) понтонно-мостового полку; м. Термез, Узбекистан – начальник служби ПММ мотострілецької дивізії. Демобілізувався на початку 1992 р. у званні ст. лейтенанта.

У 1994 – 2007 рр. – служба у МВС України (перша посада – оперуповноважений відділення по боротьбі з економічними злочинами Заводського РВ УВМС України в Миколаївській обл.; посада під час звільнення – старший оперуповноважений з особливо важливих справ відділу Департаменту внутрішньої безпеки МВС України).

В 2007 р. вийшов на пенсію у званні підполковника.

Учень: Доброго дня! Як ми і домовились, ми запросили Вас до себе на інтерв'ю.

Г.Козлов: Ваше предложение заставило вспомнить и вновь пережить многие моменты армейской биографии. Обещаю говорить только правду, несмотря на то, что есть вещи, о которых детям рассказывать, ну, как бы непедагогично. Однако я вижу, что вы почти взрослые ребята, с вами буду откровенным. Я составил себе конспект, чтобы было удобнее рассказывать о пережитых событиях. И еще: я буду общаться по-русски, это мой родной язык.

Учень: Стосовно російської мови – приймається. Але наше завдання полягає не у хронологічному відтворенні подій. Нам перш за все цікава атмосфера тих часів, процеси у суспільстві. Та якщо Вам зручніше спиратися на хронологію подій, хай буде так.

Будь ласка, спочатку скажіть, як Вас звати, де і коли народилися, чому пішли у військове училище?

Г.К.: Геннадий Вячеславович Козлов, родился в Николаеве 17 июня 1965 г. Оба моих деда и бабушки в начале 30-х гг. молодыми пришли в Николаев из сел, спасаясь от голода. Здесь они перезнакомились, поженились и в 1938 г. родились мои мама и папа.

По окончании средней школы для меня встал вопрос: что дальше?

У мамы – две сестры. Муж младшей Евгений был подполковником. Он окончил Ульяновское высшее военно-техническое училище им. Богдана Хмельницкого. Это было единственное училище на весь Варшавский договор и страны социалистической ориентации – понимаете, о чем я говорю? (*посміхається*) – готовившее специалистов по горюче-смазочным материалам (ГСМ). Дядя служил в Николаевском центре подготовки и переучивания летного состава. В дальнейшем он дослужился до должности начальника службы горючего авиации Северного флота.

Была у мамы и средняя сестра, дочь которой в Москве училась в институте пищевых технологий. Вот мне родители и предложили: либо к двоюродной сестре в Москву, либо по стопам дяди – в Ульяновск.

В обоих вузах профилирующим предметом была химия. Я всерьез занялся химией, занимался и академической греблей. Для себя решил: в июле поступаю в училище, а если провалю экзамены, то в августе буду поступать в институт в Москве.

В пользу Ульяновска сказался еще один факт: Олег Вишняк из нашей школы, который был старше меня, учился в том же училище, приезжал на каникулы и рассказывал много интересного. Словом, я решил поступать в Ульяновск. Да ещё и не один – «подбил» одноклассника Юру Крайнюка.

Учень: Нам цікаві подробиці військового побуту: як вас зустрічали, як постригли наголо, як видали форму, де розмістили, як годували...

Г.К.: Сначала мы были абитуриентами. Поэтому никто нас налысо никто не брил и форму не выдавал. Расселили по палаткам, внутри которых на деревянном настиле стояли кровати. Кормили в столовой: миска, кружка, ложка – первое, второе и третье. Это была какая-то похлебка, каша, чай, кусок хлеба. Конечно, не сравнить с домашней едой. Что еще из бытовых подробностей? Раз в неделю – баня.

Родителей абитуриентов на территорию центра не пускали. Зато мне повезло: неожиданно в Ташле появился мой дядя Женя, который когда-то здесь учился. Он вроде прибыл в служебную командировку. Я с ним пообщался разок.

Учень: Ваш дядько під час вступних іспитів впливав на ситуацію, на відмітки, які Вам ставили? У Вас був «блат»?

Г.К.: Скорее всего, дядя поговорил с кем-то из знакомых офицеров, мол, когда мой племянник будет сдавать экзамены – поддержите. Но я не чувствовал никаких поблажек.

У нас было два факультета, где учились четыре года, и инженерный – пять лет. На инженерный, куда поступал я, конкурс был больше – примерно пять человек на место.

Первый экзамен – математика. Со мной сидел парень, окончивший техникум с красным дипломом. Ему достаточно было получить одну пятерку – и он поступил. Вижу, его вопрос я

знаю, а свой – нет. А он, «краснодипломник», не знает ни моей темы, ни своей. Я ему подсказал, он сдал на пятерку, а я – кое-как на тройку.

Физику, химию и сочинение я сдал на четыре, нормативы по физике – тоже. Этих оценок хватило, я поступил. Мой одноклассник тоже поступил.

Всех «забрали», выдали форму, и началось главное испытание – месячный курс молодого бойца. У меня появились первые армейские друзья – москвич Гена Клепиков, ребенком снявшийся в одном из первых выпусков детского киножурнала «Ералаш» и Вова Спесивцев из Сочи – чемпион СССР по карате... *(на мить задумався)* Хотя нет, он занимался карате, а вот чемпионом был вроде по самбо: карате до середины 80-х гг. в Советском Союзе было запрещено как опасное боевое искусство.

Гоняли сильно. Каждый день кросс 16 километров, стрельба, полоса препятствий, упражнения на турнике, изучение уставов, знакомство с военной техникой. Были и многокилометровые марш-броски в полной выкладке. Это когда берешь автомат, надеваешь каску, подсумок, противогаз, вещмешок.

Начались неуставные отношения – «дедовщина». Примерно четверть ребят к нам попала из армии, со срочной службы, где дедовщина была обычным явлением. На курсе начали формироваться землячества: среди курсантов было совсем мало среднеазиатов, чуть побольше выходцев с Кавказа и масса представителей неславянских народов России – чувашей, бурятов, татар, башкир, мордвы.

Старшекурсники пытались доказать, какие они «крутые», доходило до драк. Нам назначили замкомвзвода курсанта, окончившего третий курс. Он что-то пытался из себя строить, постоянно «докапывался». Кончилось тем, что каратист Вова Спесивцев его избил. Тогда собрались человек десять старшекурсников и решили «воспитать» его. Все пошли в лес, а вернулся только Спесивцев. Оказалось, он эту ватагу так отдубасил, что они даже на ноги не сразу смогли подняться. После этого авторитет Вовы взлетел на недостижимую высоту.

Учень: Чи можна конкретніше: чому виникали конфлікти зі старшокурсниками?

Г.К.: Они хотели доминировать над нами, типа, здесь тебе нельзя сидеть, здесь нельзя стоять. Это были глупые придирки с одной целью – доказать свое превосходство.

Были конфликты иного рода – между училищами. В Ульяновске располагались три военных училища – наше, танковое и связи. Между курсантами возникали конфликты, драки в увольнениях, на дискотеках. Дрались мы из-за девушек и со студентами винницкого педина, сюда нас в 1986 г. отправили на стажировку.

Учень: Яка була форма у курсантів?

Г.К.: Повседневная и парадная форма. Повседневная летняя – это «х/б», то есть хлопчатобумажная, зимняя – «п/ш», полушерстяная, к которой прилагалась шинель. Головные уборы – пилотка, парадная фуражка и зимняя шапка-ушанка. Сапоги были яловые. Вместо носков носили портянки. Нижнее белье – майки и трусы летом, кальсоны и рубашки – зимой. В парадную форму наряду с брюками, кителем, рубашкой, фуражкой и галстуком входили ботинки. На меня парадную форму не нашли из-за роста, и мне её сшили в ателье.

На повседневной форме подшивали подворотнички, потом спарывали, стирали и снова подшивали. Это запрещалось, но мы старались зимой наматывать портянки поверх теплых носков. Еще нас гоняли за спортивные кофты. Если офицеры находили запрещенные предметы одежды, их рвали, а на кипятильниках резали провода.

Учень: Яка у курсантів була стипендія?

Г.К.: В военном училище платят денежное довольствие. Оно ниже институтской стипендии, поскольку считалось, что курсант живет на гособеспечении: проживание, питание, форма. На первом курсе платили 7 рублей, потом 9, 12, а последние курсы – 17 рублей. Студент же мог получать в институте до 40 рублей в месяц.

Зато при выпуске из училища выдали около 800 рублей подъемных, тогда как средняя зарплата в то время составляла примерно 180-200 рублей.

Учень: Ви жили у казармі, скільки людей було в приміщенні?

Г.К.: Первые три курса жили в казарме. В казарме жили поротно, нашу роту называли «китайской», поскольку вместо 90 там было 173 человека. Все жили в одном помещении, спали на двухъярусных кроватях. Также были общие шкафы, сушилки, общий туалет. Сушилка актуальна зимой, туда бегали греться, поскольку на улице стоял жуткий мороз. При походе в баню мы сдавали в стирку форму и нижнее белье, а нам выдавали новый комплект.

(На мить замовчав, задумався) Жуткие волжские морозы были для нас тяжелым испытанием. Случалось, люди отмораживали уши, носы, пальцы. И у меня были обморожения: сначала кожа пунцовеет, потом начинается боль, вспухают волдыри, как при ожогах. Зимой по территории училища запрещалось передвигаться в шинелях: боишься замерзнуть – беги! Во время полевых выходов мы жили в палатках, которые отапливались буржуйками. В палатках спали в ватных штанах и бушлатах, в валенках, шапках, да еще и лица обматывали полотенцами.

В учебном центре я впервые в жизни совершил марш-бросок на лыжах. У меня сломалось крепление, а закинул лыжи на плечо и по пояс в снегу прошел почти 15 километров.

После третьего курса мы переехали в «общагу». Здесь с другом жили в двухместной комнате, взяли в прокате телевизор, холодильник – это было доступно. Телевизор после отбоя смотреть запрещалось, но мы сделали хитро: контакт от электросети присоединили к дверям. Если дверь открывалась – электричество отключалось.

Помните, я говорил, что на весь соцлагерь это единственное училище по ГСМ? Так вот, у нас было здание, где жили и учились иностранцы: немцы, поляки, чехи, вьетнамцы, кубинцы, сирийцы, ливийцы, африканцы.

Мы раззнакомились, я сдружился с вьетнамцем, который приглашал меня в гости в Ханой. Правда, поехать туда курсанту было нереально – и по финансовым соображениям, да и просто из страны бы не выпустили.

Удивили кубинцы: они все время играли в бейсбол. Мы вообще не знали, что это за спорт, а у них, оказывается, он популярен. У них и военная форма была необычной для нас. А самая яркая, бросающаяся в глаза форма была у монголов. Наиболее зажиточными считались сирийцы. Они угощали виски, сигаретами «Мальборо». Для нас это было, всё равно, что на Луну слетать.

Иностранцы жили, учились и питались отдельно. Условия жизни у них были намного лучше плюс свободный выход в город. У нас помимо столовой был только скромный буфет, по-армейски – «чепок», где продавали молочные продукты, пирожки, булочки, печенье, сок, газированную воду, а у них – ресторан с дефицитными продуктами.

Мы питались неважно, Ели перловку, гороховую кашу, вареное сало. Мяса было мало, яйца – две штуки в неделю. По советским праздникам еда была лучше – картофельное пюре, мясные котлеты. Из-за больших физических нагрузок и скудного рациона постоянно хотелось есть. В увольнениях, в гостях, на каникулах мы в огромных количествах поглощали еду – окружающие диву давались.

До училища я весил 91 килограмм, а когда через полгода приехал в отпуск – 80. Меня жалели, кормили на убой, и через неделю я весил уже около центнера. Брюки и китель не сходились, благо на улице под шинелью этого не было видно.

Учень: Як часто Ви їздили на каникули?

Г.К.:Каникулы были десять дней зимой и месяц летом, в этот срок входила и дорога. Чтобы попасть на каникулы, нужно было успешно сдать сессию – кто не сдал, тот оставался в училище на пересдачу, как у нас говорили, «оставили в зондере». Пока ты не сдашь сессию, тебя привлекали к различным работам, даже гаражи для офицеров строили.

По нашим проездным документам можно было бесплатно ехать в плацкарте. Если хочешь в купе или на самолете – доплачивай. Зимой старались лететь самолетом, ведь отпуск совсем короткий, но билеты были не всегда. Летели через Москву. Самолет Москва – Николаев стоил, кажется, 27 рублей. Бывало, что ехали без билетов на третьей полке общего вагона. А один раз у нас не хватало денег на доплату, и мы нагло вломились в самолет, перемахнув

ограду аэропорта. Был скандал, нас вывел воинский патруль, но... бесплатно посадили на следующий рейс.

Интересно было смотреть, что привозили из отпуска. Это было отражение географии огромной страны. Мы из Николаева везли сало, колбасу, шоколадные конфеты местной фабрики, которой уже давно нет. Парень из Сочи привозил редкую для тех времен «Пепси-колу» (её там производили) и цитрусовые, курсант из Астраханской области вез банки с черной икрой, обычно литровые, но однажды привез трехлитровую, и мы весь день её ели, чтобы не испортилась. Гиголаев из Цхинвали привозил бутылку с чачей, где плавали виноградинки, а ротному говорил, что это виноградный сок.

Учень: Як Ви зустріли смерть Брежнєва, Андропова, Черненко. Які були почуття, Ви сумували?

Г.К.: Со смертью всех троих связаны забавные истории. Когда умер Брежнев, я был в карауле и заступил на пост №1 – возле знамени училища. Караул длится сутки: два часа ты на посту, два часа – в бодрствующей смене, потом два часа спишь. Потому постоянно хочется спать. Я заснул стоя и упал с автоматом прямо на посту. Открываю глаза, и тут включается громкая связь: «Внимание! – суровым голосом говорит диктор. – Прослушайте важное правительственное сообщение». Я испугался: война, что ли, началась? И тут сообщают, что умер Брежнев. Позже, когда его хоронили, нас загнали в казарму и заставили смотреть телетрансляцию похорон.

В феврале 1984 г., тогда еще проходила зимняя Олимпиада в Сараево, мы заступили в гарнизонный караул – охраняли заключенных на гауптвахте.

Учень: А за що їх там утримували?

Г.К.: За правонарушения. Военных не могли задерживать сотрудники милиции – только военные патрули. За мелкие правонарушения отправляли на гауптвахту. Если же солдат совершал серьезное преступление, могли отправить в дисциплинарный батальон или в тюрьму.

Так вот, охраняю гауптвахту, и вновь засыпаю на посту, да ещё прямо на ходу. Просыпаюсь от грохота, открываю глаза – лежу на полу. Вскликаю, а ко мне бежит начальник караула: что случилось? Я соврал, будто у автомата отпал магазин. А когда сменился, в караулке смотрю телевизор, и тут объявляют: умер Андропов.

Еще через год нас поставили в наряд по столовой, и – что вы думаете? – умер Черненко! Все уже просто смеялись, говорили: больше в караулы и наряды Козлова не ставьте, а то и Горбачев загнется.

Потрясений от смерти вождей мы не испытывали. Было равнодушие – умер и умер, жалко, конечно, но что поделаешь... А смерть Черненко, который и генсеком-то стал, будучи явно больным, не мог говорить, задыхался от астмы, восприняли чуть ли не со злорадством: как вообще могли дряхлую развалину сделать главой государства?!

Учень: Ви кажете, що падали з автоматом? А у інших бували інциденти зі зброєю?

Г.К.: Один курсант дурачился с заряженным автоматом, перебрасывая из руки в руки. И вдруг выстрелил. Он чуть не убил человека пять. Взбешенные сослуживцы его избили, а руководитель стрельб, вместо того, чтобы разобраться с произошедшим, приказал всем молчать. Дело замяли.

Другой раз в учебном центре, мы шли с автоматами. Тут Юра Крайнюк его вскидывает и выстрелом убивает, кажется, тетерева. И надо такому случиться, что мимо проезжала машина командира училища, и убитая птица упала прямо на капот. Скандал был знатный, с Юры перед строем наш генерал-майор сорвал сержантские погоны. Так мой друг из старшего сержанта вновь превратился в обычного курсанта.

Учень: Щодо політичної підготовки: як це було, як Ви все це сприймали?

Г.К.: Это был тихий ужас: зубрили историю КПСС, конспектировали сочинения Маркса, Энгельса и Ленина, были политинформации, лекции, коллективные просмотры «правильных» телепередач, в феврале 1986 г. заставили смотреть трансляции с XXVII съезда

КПСС. Относились к этому как к обязательке, от которой отказаться нельзя, иначе мигом вылетит из училища.

У нас был только один особо рьяный коммунист, которого уже на первом курсе приняли в партию. Хотя не поймешь, чего там было больше – веры в идеалы или карьеризма.

Учень: Що надавало членство у КПРС, які переваги? Чи були Ви у партії?

Г.К.: Давало преимущества в карьерном росте, по окончании училища партийцам давали хорошее распределение. Чтобы вступить в КПСС, требовалось сначала побыть в статусе кандидата. В 1985 г. мне поступило такое предложение, я согласился и получил удостоверение кандидата в члены КПСС. А потом приключилась история, поставившая крест на моей партийной карьере.

Нас отправили в наряд на сборный пункт. Призывники там все перепуганные, а я узнаю, что на время майских праздников их отпустят домой. Прихожу и говорю: «Пацаны, хотите, чтобы вас домой отпустили?» – «Хотим» – «Так и быть, я договарюсь, но с вас магарыч». Все согласились, не зная, что их бы и без меня отпустили.

После праздников призывники возвращается, и каждый мне пам! – пам! (*демонструє руками, як йому виставляють на стіл пляшки*). Я собрал курсантов, выпивки и закуски – валом! Но вскоре начальник сборного пункта заметил, что курсанты пьяны, позвонил начальнику училища, тот отправил к нам ротного. Я при появлении начальства спрятался под кровать, а остальных отправили на гауптвахту. Я уже думал, что пронесло, но ротный был хитрый, и вернулся. Я попал в его руки и вслед за остальными был препровожден на гауптвахту. Из песни слов не выкинешь: огромная страна пила с энтузиазмом...

И тут, как назло, приняли указ по борьбе с пьянством. Что было! Нас хотели выгнать из училища, на каждом построении – а это коробка в две тысячи человек – заставляли выйти из строя и поносили на чем свет стоит. А потом парторг потребовал сдать удостоверение кандидата в члены КПСС. Я сдал и не пожалел. Отсутствие партбилета, может и плохо для карьеры, зато не нужно было ходить на бесконечные партсобрания.

Учень: До речі, як Ви сприйняли указ про посилення боротьби с пияцтвом навесні 1985 р., що тоді відбувалося в країні?

Г.К.: Когда появляется новый запрет, у многих возникает острое желание его нарушить. Запретили пить? – так мы назло будем пить.

В Поволжье пили сильнее, чем у нас. Но зато и меры по борьбе с пьянством здесь были круче. В Николаеве водка была в свободной продаже вплоть до конца 80-х гг., а здесь в районах после указа стали вводить «зоны трезвости», где полностью запретили продажу алкоголя, а в самом Ульяновске его продавать три дня в неделю по определенным часам. И к чему это привело? К диким очередям, к росту самогонварения. Водка стала универсальной валютой, с помощью одной-двух бутылок теперь можно было «сдать» экзамен или зачет.

Еще одно нововведение, где мне пришлось побывать – комсомольские безалкогольные свадьбы. Это было глумление над здравым смыслом: на столе кроме еды сок, минералка, чайники. И все! Но подходит папа невесты и объясняет: в бутылках с минеральной водой – водка, а в чайничках – коньяк. Потом заходит милиция, проверяет – все хорошо, на столах спиртного как бы нет. У нас, в Николаеве, такого фарса на свадьбах не было.

Учень: Що Ви можете згадати про аварію на Чорнобильській АЕС?

Г.К.: В это время мы возвращались в Ульяновск из Винницы, где проходили практику на заводе, оборудовавшем технику для служб ГСМ. И где-то в Киевской области ранним утром 26 апреля 1986 г. мы остановились на 5-6 часов, после чего движение возобновилось. Позже узнали, что в это время был взрыв и пожар на АЭС, и она находилась сравнительно недалеко. Уже в Ульяновске всех, кто был в эшелоне, отправили на медосмотр. Наверное, это была какая-то перестраховка, но прошло много времени, я уже не помню деталей.

О Чернобыле много говорили. Уверен, если бы авария случилась до Горбачева, общество вообще бы ничего не узнало.

И еще. Перед аварией на АЭС суперпопулярная в то время группа «Форум» выступала в Виннице. Нас попросили помочь перенести аппаратуру для концерта, а после пригласили на

застолье с её музыкантами и вокалистом Виктором Салтыковым. Это было круто, как будто тебя усадили за стол к президенту.

Учень: Ваша участь у афганських подіях: як це було, що Ви раніше знали про Афганську війну?

Г.К.: В училище об Афганистане мы знали мало. Нам говорили, что в Демократической Республике Афганистан находится ограниченный контингент советских войск, который помогает афганскому народу наладить мирную жизнь, чуть ли не розы высаживает.

Когда я открыл конверт с распределением, то узнал, что направлен в Туркестанский военный округ (ТуркВО), в состав которого входила 40-я армия в Афганистане. Я опоздал в штаб ТуркВО, и оказалось, что наши выпускники, прибывшие раньше, уже направлены в Афган, или в резерв, где тоже готовили людей к отправке.

Была странная логика назначений. Меня кадровик спрашивает: «Женат?» – «Нет» – «В Афган поедешь?» – «Поеду» – «А морду майору набить сможешь?» – «Если надо – смогу» – «Тогда мы отправим тебя в Туркмению, в Чарджоу». После этого заходит выпускник из моей же роты, рассказывает, что женат, что беременная жена ждет на улице. И что же? Его отправили в батальон резерва, а это – прямая дорога в Афган.

Приехал в Чарджоу – оазис: дыни, арбузы, виноград. А вокруг Каракумская пустыня – змеи, вараны, дикие верблюды, ближайший населенный пункт – за 140 километров. Прежде я никогда не видел настоящей пустыни.

При приеме должности выяснилось, что таки надо бы набить морду майору, ибо этот майор – мой предшественник – разворовал всё, что мог. Недостача огромная, а он упрашивает принять склады. Что делать? В Марах, в двухстах с лишним километрах, служил мой товарищ, начальник службы ГСМ на аэродроме, у которого было полно авиационного керосина. Мы сделали четыре ходки бензовозом, и разбавили этим керосином бензин, восполнив недостающий объем, да еще и повысив октановое число.

Через год меня отправили в Термез, на границу с Афганистаном. Здесь город был поменьше, но треть населения – это военные и их семьи, а остальные – узбеки и таджики. Это был перевалочный пункт для армии, дальше – мост Дружбы через Амударью и афганский город Хайратон.

С моим приездом наш полк подняли по тревоге и отправили на границу для ввода в Афганистан. Разместились среди пустыни, каждое утро начальник разведки докладывал обстановку, сколько на той стороне бандформирований (так называли отряды афганских повстанцев), какое у них вооружение. Беда в том, что нам запретили звонить и писать письма. Мои родители знали, что я поехал в Термез, а это – без пяти минут Афганистан. Что со мной, почему нет известий? – от переживаний они места себе не находили. Только потом через запрос в штаб округа они узнали, что наш полк на особом положении и контакты с внешним миром запрещены.

Полк так и остался на границе, а с января 1989 г. массово начался вывод войск, завершившийся 15 февраля. Мы заезжали на афганскую территорию, забирали и сопровождали в СССР технику.

Было несколько интересных историй. Как-то раз еду на бензовозе и в стороне от дороги вижу грузовик, вокруг которого валяются коробки и лежат люди. Я с водителем-узбеком, вокруг больше никого – страшно. Подходим ближе – трупы десантников. Ужас! Подходим еще ближе – тьфу (*картинно плескає у долоні*), так они же пьяные! Оказалось, ребята отогнали с дороги грузовик с сухпаем, раскрыли ящики, нашли спирт, консервы и...

Другой раз встретил на обочине у границы Олега Вишняка, с которым учился в школе и училище. Представляете – на краю света, на излете войны!

Однажды мой бензовоз чуть не врезался в машину командующего 40-й армией генерала Громова. Налетели «особисты» – сотрудники особого отдела армии, было «весело». Помню, и как Громов стоял с нами в общей очереди в офицерской столовой.

В СССР был известный собкор советского ТВ в Афганистане Михаил Лещинский. Возле моста Дружбы он снимал репортаж, и ему попался я. «Как вы себя чувствуете, ступив на

родную землю», – спросил он меня перед камерой. «Зашибись», – ответил я. Уверен, что по телевизору этого не показали.

И последний эпизод. Захожу в ресторан, а там чуть ли не половина нашего училища – сплошь знакомые лица. Оказалось, это из Афгана вывели трубопроводную бригаду. От них я узнал, как афганцы делали врезки в наши полевые трубопроводы, сливая бензин, керосин, дизтопливо. Оказывается, воровали ничуть не меньше советских людей, ведь у нас тоже тащили, кто что может. Ходила даже шутка, что самым массовым движением в СССР было движение «несунов».

Термез был набит военными, все рестораны забиты, все пили, заливали ужас, пережитый на войне. Пили и у нас в офицерском общежитии. У меня, начальника службы ГСМ, всегда был спирт и талоны на бензин, которые можно было обменять на водку – так офицеры за мной буквально охотились: налей, да налей. Пили и военные, и местное население. Вот тут я понял, что Горбачев, начиная борьбу с пьянством, был прав. Другое дело – её методы, которые всё дискредитировали.

Учень: Ви були на тилівій посаді. А чи приймали Ви участь у реальних бойових діях?

Г.К.: Ну, как сказать... (*потискує плечима*) После вывода войск СССР украдкой все равно поддерживал афганскую власть, по ночам через мост шли колонны с техникой и боеприпасами. Раз нас подняли ночью по тревоге, мы выехали в составе колонны мощных тягачей с оперативно-тактическими ракетами «земля – земля». Я замыкал колонну на бензовозе. На всех машинах – опознавательные знаки афганской армии. Мы заехали на территорию Афганистана, в сторону Мазари-Шарифа, остановились, дали ракетный залп, и обратно. Потом в новостях сообщили, что афганские войска нанесли ракетный удар по бандформированиям в районе Джелалабада. Джелалабад черт знает где, сотни километров от нас. Но, возможно, это была именно наша работа.

Собственно, это и есть весь мой боевой опыт, если его так можно расценивать.

Учень: Як в ті роки забезпечували армію?

Г.К.: За всю армию не скажу, но в Термезе всё было: и в магазинах, и на складах. Я за бензин и спирт вообще мог сменять что угодно. Нам выдавали советские, а позже даже натовские сухпайки – говорили, что они со складов стратегического резерва Западного Берлина, у них заканчивался срок хранения и их отдали СССР, поддерживая режим Горбачева. Я передавал продукты домой с офицерами, сопровождавшими технику на Николаевский бронетанкоремонтный завод – тушенку в банках, обернутых промасленной бумагой, рыбные консервы, сгущенку, сахар, крупы, чай. Диковинкой были натовские пайки: в картонной коробке лежали мясные консервы в саморазогревающихся пакетах из фольги, питательная смесь из кураги, меда, орехов и чего-то ещё, галеты, шоколад, конфеты, жвачки «Орбит», растворимые чай, кофе, порошки для напитков типа «Колы» и «Фанты», таблетки для обеззараживания воды, салфетки. Получать эти пайки мы стали уже после Афгана.

Но главным хитом была голландская газировка «СиСи» в алюминиевых банках. Это название помнят те, кто прошел Афган. Её СССР закупал специально для снабжения войск в Афганистане, её же «выбрасывали» в продажу в военторгах – магазинах для военных. А в СССР в жестяные банки напитки не разливали.

Учень: Що Ви робили після вивода військ?

Г.К.: Продолжал служить. В 1989 г. меня в составе батальона отправили на целину помогать в сборе урожая. Мы оказались на севере Казахстана, в районе Целинограда. Непосредственно работали «партизаны» – люди, уже отслужившие в армии и призванные на военные сборы, а мы ими руководили.

Когда ехал под Целиноград, эшелон с техникой и личным составом остановился. Я вышел прогуляться, забрел в какие-то кусты. Глядь, а состав ушел. Вокруг до горизонта степь, палит солнце, у меня ни денег, ни документов. На моё счастье, по железной дороге шел локомотив, я его остановил. Меня довезли, кажется, до Караганды, причем намного раньше моего

эшелона. Наконец, приехали и он. Самое смешное, что никто даже не заметил моего отсутствия, хотя меня не было часов пять.

Там были сумасшедшие перепады температур: днем жара, а ночью замерзала вода. Мы с начальниками вещевого и продовольственных частей – на жаргоне «начвещь» и «начпрод» – ездили в Целиноград. Это был невзрачный провинциальный город, одни пятиэтажки. А сейчас это Астана – столица Казахстана.

Учень: Чи поважали армію в радянські роки? Як сталося, що саме за Ваших часів потужна армія СРСР, чи не наймогутніша в світі, перестала бути оплотом комуністичної держави і зрештою стрімко пішла у напрямку розпаду?

Г.К.: Армию уважали как защитницу страны. Пиетет перед людьми в форме был очень сильным вплоть до смешных моментов: когда выходил за КПП училища, там вечно тусовались молодые дамочки, желавшие выскочить замуж за курсанта, они бежали за нами по пятам (*замріяно посміхається*).

Все резко переменялось после Афгана, пошло разочарование. Мы все чаще задавались вопросом: зачем и кому мы служим? Думаю, тут сыграло роль, как общее перестроечное брожение – СССР уже трещал по швам, так и проблемы в армии: неуставные отношения, кумовство и коррупция (как тыловик, знаю, о чем говорю), какая-то усталость, разочарование от того, что армия подвергалась тотальной критике – и за Афганистан, и за оккупацию Чехословакии, и за подавление восстания в Венгрии. Ещё вчера мы были гордостью страны, а сегодня стали непонятно кем. Офицеры начали увольняться.

Активизировалось украинское землячество – мы хотели вернуться домой, ведь при всей экзотике, Средняя Азия была для нас чужой. Первым уволился начальник клуба родом из Макеевки. В 1990 г. я приехал в Николаев, пытался решить вопрос с переводом в Украину, но безуспешно. Поле я твердо решил уволиться, но смог это сделать только после ГКЧП.

Учень: А що Ви можете пригадати про ДКНС?

Г.К.: Утром 19 августа – общее построение полка. Выходит замполит – он у нас был таджик – и с сильным акцентом бубнит о каком-то ГКЧП. Мы понимаем с трудом. Потом выходит «особист» – особый отдел это вроде КГБ внутри армии, – и говорит, что нужно поддержать ГКЧП. Тут мой друг-украинец выдает: «Так это же переворот! ГКЧП незаконен, куда дели Горбачева – непонятно, может, убили». И когда нам заявили, что полк переводится на казарменное положение, мы решили, что приказ незаконный, и выполнению не подлежит. Прежде такую наглость с нашей стороны невозможно было представить!

Мы покинули часть и заперлись дома. Потом к нам подтянулись киевляне, офицеры-зенитчики, со смачным гостинцем – салом, которого в Термезе было не сыскать. На третий, кажется, день прибежал посыльный, и деликатно так: «Товарищи офицеры, вас приглашает командир полка». Ну, думаем, попадем на гауптвахту, и это еще при самом благоприятном исходе... Но нет!

Снова построение. Комполка признает: да, это был переворот. К счастью, продолжает он, группа офицеров не выполняла преступные приказы, показав всем, как должен действовать в сложной обстановке настоящий воин. И начинает называть фамилии – мою, и всех, с кем мы покинули часть.

После этого мы стали лучшими офицерами, примером для остальных. Я какой мы пример? Хотим домой, а нас не увольняют. И тогда мы стали вызывающе, демонстративно нарушать дисциплину. Приехал командир корпуса, в состав которого входил полк. Мы с начальником службы ракетно-артиллерийского вооружения и еще одним лейтенантом, земляком из Вознесенска, залпом выпиваем бутылку водки и идем навстречу генералу. Комполка ему докладывает, что это лучшие офицеры части, у всех медали, грамоты, благодарности. Но тут генерал замечает, что мы пьяные. «Если это лучшие, – кричит он, – то каковы тогда остальные?!». Потом обращается к нам: что за глупые выходки? Мы объясняем, что не видим себя в Советской армии и хотим домой. Он распорядился, чтобы нас уволили по несоответствию.

Наконец, в марте 1992 г. я был свободен.

Учень: Коли Вас звільнили, що було далі? Як Ви бачили власне майбутнє?

Г.К.: Я уже был женат, дочке два года, квартира, имущество. Перед отъездом в Украину что-то продали, раздарили, часть вещей отправили в Николаев контейнером.

Улетали мы из Душанбе, там уже шла гражданская война. Приехали в столицу Таджикистана – странная тишина, на улицах ни души. Я прежде бывал в этом городе – никогда такого не было. Что случилось? Мы улетели в Москву, а вечером смотрим телевизор, и узнаем, что в Душанбе зашли отряды оппозиции, идут уличные бои. Какие-то высшие силы помогли нам!

В Николаеве я пытался найти место в армии или милиции. Но это оказалось непросто. Поэтому я два года занимался челночным бизнесом, возил товары из Польши и Китая. Наконец, в 1994 г. меня взяли в райотдел милиции. Я дослужился до подполковника и в 2007 г. вышел на пенсию. Сейчас работаю в «Николаевводоканале», где когда-то работал мой дед – с 30-х до начала 70-х гг.

Учень: Що Вам надала армія?

Г.К.: Прежде всего, здоровье, закалку и физическое развитие, уверенность в себе. Вторых, кругозор – я узнал много нового, много ездил по СССР, у меня появилась масса друзей и знакомых. Третье – это бесценный жизненный опыт.

Учень: Які свята Ви відзначали?

Г.К.: Самыми главными праздниками для меня были 23 февраля – День Советской армии, День Победы и Новый год.

Учень: Чи є у Вас ностальгія по СРСР?

Г.К.: Как вам сказать... В СССР были друзья, связи с которыми нарушились. Зато теперь можешь ехать в страны Европы, Азии, на любые экзотические курорты – были бы деньги.

Учень: А раніше вони були, раніше жилося краще?

Г.К.: Хорошо жилось в Москве. А вся остальная страна – это серость, дефицит, очереди и пьянство. Теперь же, как говорится, каждый сам кузнец своего счастья.

Учень: Як би Ви проголосували, якщо б брали участь у референдумі про Незалежність України 1 грудня 1991 р.?

Г.К.: Я бы голосовал за независимость. И не только я, но и все офицеры-украинцы, с кем я дружил.

Когда разваливался Союз, наш офицер Толя Овдиенко где-то достал сине-желтые флаги, мы вывесили их у себя на балконах и даже ходили с флагом по территории части. Украинцы были единственными в полку, кто демонстрировал свой национальный флаг.

Толик вообще был твердым сторонником независимости, он общался с тогдашним заместителем главы Народного Руха и первым председателем Союза офицеров Украины Виленом Мартиросяном. Самое чудовищное, что после развала СССР Толю убили в родной Украине, в «лихие девяностые»... *(зажурился)* Но, как говорится, это совсем другая история.

Учень: Щиро дякуємо за все, що Ви розповіли. Це було дуже цікаво.

ОПИТУВАЛЬНИК

1. Як Вас звали, де і коли народилися, чому пішли у військоve училище?
2. Які подробиці військового побуту Ви пам'ятаєте?
3. Чи був у Вас в армії «блат», якщо був, тоді як Ви ним користувалися?
4. Виникали у Вас конфлікти з іншими курсантами, старшокурсниками?
5. Якою була форма у курсантів?
6. Яка у курсантів була стипендія та чи була взагалі?
7. Як часто Ви їздили на канікули додому?
8. Як Ви сприйняли смерть Брежнєва, Андропова, Черненко?
9. Що відбувалося після прийняття указу про посилення боротьби с пияцтвом у 1985 р.?
10. Як виглядала ідеологічна «обробка» в Радянській армії?
11. Чи були Ви комуністом? Які переваги надавало членство у КПРС?
12. Що Ви можете згадати про аварію на Чорнобильській АЕС?
13. Розкажіть про Вашу участь у афганських подіях.
14. Що Ви робили після вивода військ з Афганістану?
15. Чи поважали армію в радянські роки? Як сталося, що саме за Ваших часів потужна армія СРСР, чи не наймогутніша в світі, перестала бути оплотом комуністичної держави і зрештою стрімко пішла у напрямку розпаду?
16. Що Ви можете пригадати про ДКНС?
17. Як Ви бачили власне майбутнє після звільнення з армії?
18. Як вплинула армія на формуванні Вашої особистості?
19. Які радянські свята Ви відзначали?
20. Чи є у Вас ностальгія по СРСР?
21. Як би Ви проголосували, якщо б брали участь у референдумі про Незалежність України?

Додаток 1

Я, Козлов Геннадій Вячеславович,
означитимши з текстового розшиф-
ровкою свого аудіоінтерв'ю та
надаю згоду на його використання
в навчальних, академічних цілях,
а також на його можливість
публікацію в мережі Інтернет.

07.11.2018 р.

Геннадій

Додаток 2

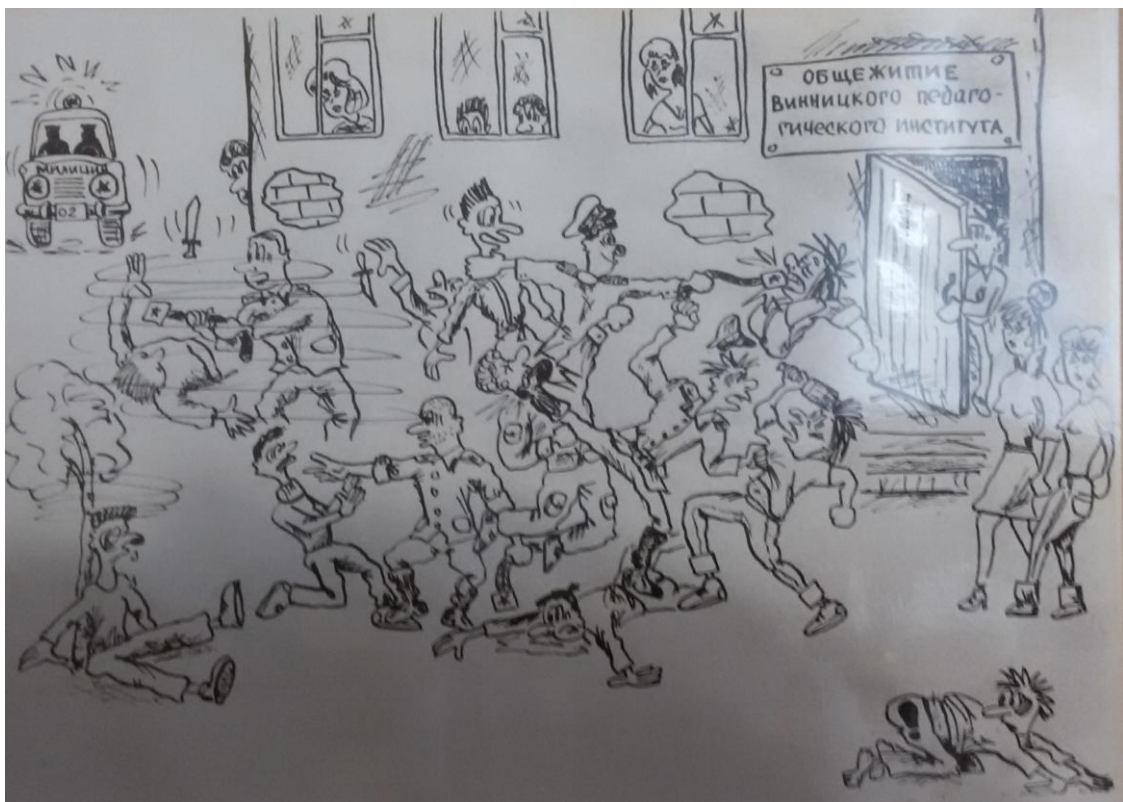
На третьому курсі училища. Г.В.Козлов – праворуч.

Мешканцям півдня України важко було навчитися ходити на лижах

На обласному збірному пункті. Малюнок авторства Г.В.Козлова с випускного альбому училища. Саме після цієї події у 1985 році його виключили з кандидатів у члени КПРС

Бійка курсантів зі студентами Вінницького педагогічного інституту у 1986 році. Малюнок авторства Г.В.Козлова з випускного альбому училища.

З друзями-офіцерами у Середній Азії. Г.В.Козлов – у центрі.

Гірська траса в Афганістані

SiSi – газований напій воїнів-афганців в алюмінієвих бляшанках

Старший лейтенант Г.В.Козлов під час відпочинку